

Технологии несилового разрешения международных и внутриполитических конфликтов

Андрей Манойло,
кандидат физико-математических наук

Культурно-цивилизационные отличия в моделях и технологиях психологического воздействия на современные конфликты

Несмотря на завершение эпохи глобального противостояния, в мире общее количество политических конфликтов не только не сокращается, но продолжает нарастать, возникают их новые формы, мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов политического регулирования.

Как указывает М.М.Лебедева, “современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к возрастанию, подключению все большего числа участников, что создает угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем остальным”¹. Международные отношения все больше становятся полем политических конфликтов.

Наряду с обострением традиционных форм и методов политического соперничества в международных отношениях все большее значение играет этнический фактор: в современных конфликтах, все чаще носящих характер столкновения цивилизаций, центральной проблемой становится сохранение ценностей и национальной идентичности, разрушение и трансформация которых сегодня – основная цель политической агрессии.

Примером может служить Косово, где сегодня происходит столкновение системы ценностей православной христианской цивилизации, радикальных направлений этнического ислама и агрессивной миссионерской социально-культурной традиции американского протестантизма.

Другим ярким примером является зарождающийся в самом центре Европы – Франции – этнополитический конфликт между коренным населением страны и общинами иммигрантов из мусульманских стран Северной Африки, принадлежащих к иной культурно-цивилизационной традиции, не разделяющих многих европейских ценностей, принципиально отрицающих политику культурной интеграции и,

по мере накопления собственных ресурсов, начинающих заявлять о себе как о новой политической силе.

Близкая ситуация складывается с этническими общинами и в Великобритании, вынужденной кардинально пересматривать открытость своих границ.

Сам политический конфликт при этом во многом утрачивает черты “конфликта интересов” и становится “конфликтом ценностей”, природа которого и способы политического разрешения сегодня практически не познаны.

Между тем, международная деятельность по урегулированию внешнеполитических конфликтов сегодня переживает системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами.

Не случайно видный ученый-международник А.В. Торкунов указывает на необходимость обновления методологии общественно-научных исследований, создания “новой методологической парадигмы”, в которой достойное место должна занять социальная психология и “управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией”².

В этих условиях многократно повышается значимость информационно-психологических технологий в управлении современными конфликтами как реальной альтернативы силовым методам “принуждения к миру” и “гуманитарных интервенций”.

Сегодня известно множество примеров успешного применения технологий информационно-психологического воздействия на международные конфликты для их стабилизации и разрешения.

Однако, все они не универсальны и имеют индивидуальные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности, отражающие различия в мировоззрении существующих мировых цивилизаций на разрешение конфликтных ситуаций.

Эти различия очевидным образом появляются во внешней политике ведущих мировых акторов: методы, применяемые США и Великобританией, относящихся к англо-саксонской цивилизации, существенно отличаются от методов и технологий воздействия на конфликтную ситуацию стран Восточной Азии, Ближнего Востока и даже Европейского союза.

Существующая культурно-цивилизационная дифференциация методов и технологий психологического воздействия требует применения к исследованию моделей несилового разрешения современных конфликтов аппарата инструментов и методов культурно-цивилизационного подхода.

В современной конфликтологии особое внимание уделяется управлению конфликтным поведением, что предполагает учет культурных и психологических особенностей народов. Проблема выделения этноса, более широкой общности происходит, прежде всего, на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям. Соответственно, и поведение людей определяется их культурно-ци-

визационной, национальной, этнической принадлежностью.

А.Тойнби, впервые поставивший проблему столкновения и синтеза цивилизаций, указывал на разрушительный эффект перенесения институтов и методов (то есть технологий), “вырванных из своей природной среды”, ибо “каждое исторически сложившееся пространство есть органическое целое” и “что полезно одному”, “вредно другому”³.

Очевидно, что механическое перенесение технологий информационно-психологического воздействия с одной культурно-цивилизационной среды на другую без учета ее особенностей может привести к углублению, эскалации конфликта.

К подобным негативным последствиям привела в 2006 г. информационно-психологическая акция в Дании, Франции и других европейских странах с карикатурными изображениями пророка Мухаммеда.

Данная информационная акция вызвала не просто скандал, а культурно-цивилизационную конфронтацию между исламской и европейской цивилизациями, что потребовало значительных усилий политических и религиозных деятелей по ее улаживанию.

Культурно-цивилизационные отличия в моделях информационно-психологического воздействия на политические конфликты уходят корнями, в первую очередь, в менталитет наций и этносов, составляющих население государств, и базируются на культурных архетипах. В целом, исходя из культурно-цивилизационных критериев, можно выделить четыре основных подхода к использованию технологий информационно-психологического воздействия в современных международных конфликтах:

- англо-саксонский (представители – США, Великобритания и страны Британского содружества);
- восточноазиатский (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония).
- романо-германский (Германия, Франция, Италия, скандинавские страны);
- ближневосточный (исламский фактор: арабский мир, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия).

В основе англо-саксонской модели лежит укоренившаяся в сознании и пронизывающая в подосознание достаточно (исторически) молодая идеология и ми-

ровоззрение протестантизма. Все три основные американские идеологические концепции: “экспорт демократии”, “силовое умиротворение” и “бархатные революции”, по сути, являются переработкой и развитием основных норм протестантского мировоззрения.

В основе восточноазиатской традиционной модели лежит в основном конфуцианское мировоззрение и идеология, а также философское учение Лао-Цзы.

В основе романо-германской модели лежит значительный опыт конфликтного сосуществования различных народов в рамках тесной Европы (“коммунальная квартира”) и историческая культурно-религиозная традиция католицизма, дополняемая элементами более позднего европейского протестантизма.

В основе ближневосточной модели, сформированной в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, лежит исторический опыт расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Существуют различия в культурно-цивилизационном опыте использования технологий психологического воздействия вообще, и психологических манипуляций сознанием в частности: “европейская и американская культуры, по видимому, более поздние в историческом плане пользователи в массовом масштабе такого острого психологического средства, как манипулятивное воздействие и психологические манипуляции”⁴. Вероятно, “именно недостаток исторического опыта, относительная молодость современной западной культуры и объясняют отсутствие у людей, включенных в ценности этой культуры, сформированной эффективной системы социально-психологической защиты от манипулятивного воздействия”⁴.

Восточная культура имеет значительно больший исторический опыт использования психологических манипуляций, так как “манипулятивный подход там достаточно органично включен в искусство тайного управления противником, является философской, идейной основой и практикой дипломатии и политики. Искусство составлять поэтапный многошаговый план взаимодействия между людьми со скрытой от посторонних целью, применяя многочисленные хитрости и ловушки для достижения успеха, является с древнейших времен отличительной чертой мышления и поведения китайских государственных деятелей, дипломатов и военных”⁴.

Культурно-цивилизационные отличия наиболее ярко проявляются в современных доктринах и концепциях психологического воздействия на конфликты именно у представителей англо-саксонской цивилизации: США и Великобритании. Сегодня психологические операции строятся ими в рамках двух основных идеологических концепций:

– концепции “*жесткой силы*” (представлена школой неореализма – К.Уолтц, Р.Гилпин, Б.Бузан), основанной на принципе приоритетности “силового умиротворения”, в рамках которой считается морально оправданным превентивное применение вооруженной силы в отношении участников конфликта, если есть явные признаки того, что конфликт может стать угрозой политической стабильности в регионе и перерасти в гуманитарную катастрофу⁵;

– концепции “*мягкой силы*” (представлена школой неолиберализма), опирающейся на идеологическую установку на “экспорт демократии” и сочетающую в себе агрессивную миссионерскую традицию американского протестантизма с технологиями так назы-

ваемых “бархатных революций” (“продвижение демократии”) – методами внешне ненасильственного изменения конституционного строя в странах-потребителях американской модели развития общества⁶.

Обе концепции в англо-саксонской модели не дублируют, а взаимодополняют друг друга, отличаясь исключительно по скорости достижения искомого политического результата:

При этом концепция “жесткой силы” очень эффективна для оказания силового давления на противника с целью получения политических преимуществ в настоящей точке политического процесса, причем принцип “силового умиротворения” позволяет использовать методы насильственного принуждения и в мирное время, прикрываясь глобальной миротворческой деятельностью.

Со своей стороны, концепция “мягкой силы”, как правило, рассчитана на отложенный результат, так как подготовка и проведение таких психологических операций как “бархатные революции” требует времени. Однако эффект от технологий “мягкой силы” сохраняется в течение более длительного времени: проамериканские режимы в странах, где победили “бархатные революции”, до сих пор у власти и проводят внешнеполитический курс, полностью ориентированный на национальные интересы США.

Концепция “силового умиротворения” предполагает, что превентивное применение вооруженной силы развитыми демократическими странами является оправданным. Это обосновывается тем, что государства западного мира, построившие у себя “самые совершенные” на сегодняшний день модели демократического общества, способны быстрее и качественнее оценить угрозы демократии, возникающие при зарождении и эскалации новых кон-

фликтов, чем традиционные коллегиальные органы и институты (такие как ООН), в которые входит достаточно большое число стран “с неразвитой демократией”, чье мировоззрение мешает им своевременно оценить опасность со стороны современных политических конфликтов.

При этом главным признаком международной опасности конфликта является “международное общественное мнение”, зачастую специально сформированное и ориентированное на определенную реакцию. Эта оценка конфликтной ситуации считается более значимой и оперативной, чем реакция традиционных международных институтов (ООН, ОБСЕ), и всегда опережает официальную позицию ООН, тем самым, понижая ее роль и дискредитируя способности этой организации оперативно реагировать на угрозы международной безопасности.

Одной из технологий формирования общественного мнения в рамках концепции “силового умиротворения” является технология формирования образа международного терроризма.

В отличие от “силового умиротворения” концепция “мягкой силы” – это технологии обеспечения добровольного подчинения других субъектов международного права, основанные на признании абсолютного превосходства в сфере идеологии, политики, экономики, морали. Причем, подчинение должно быть именно добровольное, что определяет приоритетность использования ненасильственных методов.

К ним, в первую очередь, относятся технологии информационно-психологического воздействия на сознание, используемые в современных операциях психологической войны. Один из лучших примеров применения таких технологий на практике – это так называемые “бархатные революции”. Базовая идеология, делающая привлекатель-

ным для массового сознания этот явно экспансионистский курс, – это почти религиозная миссия по “экспорту демократии”, сравнимая с крестовыми походами.

Восточноазиатские методы информационно-психологического воздействия на течение конфликта базируются на традиционных ценностных установках, прежде всего конфуцианства, остающихся, несмотря на все идеологические веяния, основой мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Традиционные ценности конфуцианской этики определяют отношения не только в рамках семьи, но и в отношениях между различными социумами⁷.

Не только в Китае, но и в Японии, Южной Корее, Сингапуре и других странах Восточной Азии конфуцианская этика оказывается доминирующей в общественном мнении, и без ее учета трудно иными методами воздействовать на сознание.

Российские ученые указывают на необычайную стойкость отдельных черт внешнеполитических доктрин Китая на протяжении более чем трехтысячелетней истории страны.

“Прежде всего здесь имеется в виду традиционность общих принципов, – пишет А.А.Бокшанин, – которые легли в основу внешнеполитических связей и некоторых характерных черт китайской дипломатической практики”⁸.

Пекин, как правило, не форсирует события, ожидая лучших времен в своих спорах с оппонентами. Он стремится первоначально “застолбить позицию”, заявить, например, о притязаниях на ряд островов Южно-Китайского моря, либо оставить вопрос открытым на “неопределенное время” по спорным территориям, как это имело место в начале 70-х годов XX в. при

нормализации отношений с Японией по вопросу о принадлежности о-вов Сэнкаку.

Общая международная обстановка и соотношение сил через несколько десятилетий наверняка изменятся и спор может решиться в пользу Китая и без конфликта.

“«Отложенные решения»” – весьма удобная форма психологического воздействия. Проблема остается нерешенной, ей можно всегда воспользоваться как инструментом информационного давления, в том числе и на переговорах. В современном Китае происходит отказ от прошлых стереотипов, освобождение от “комплекса неполноценности”, сторонники возрождения былого величия страны призывают “взять инициативу в свои руки, на равных вести дела с другими великими державами, настаивать на своей позиции в урегулировании международных кризисов”⁹.

В отличие от восточноазиатской европейская специфика такова, что на континенте со времен Вестфальского мира (1640 г.) в основу институализации социумов был положен принцип этнической идентификации наций-государств как основных участников международных отношений. Но этническая дифференциация после распада империи Карла Великого привела к многочисленным межнациональным конфликтам, в том числе к мировым войнам.

После Второй мировой войны процесс этнической и национальной дифференциации не прекращался, порождая как новые открытые конфликты, например на Балканах, так и скрытые, латентные – в Бельгии, Испании, Греции и других странах.

Ведущие государства Евросоюза, прежде всего Германия и Франция, а также Бельгия, Испания, Италия, кото-

рые условно можно объединить в Романо-германскую цивилизацию, в применении технологий информационно-психологического воздействия на конфликты придерживаются тактики психологического управления, но с учетом национально-государственной специфики.

Западноевропейская модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу за счет прямого вмешательства изменить политические системы его участников (ни с помощью силового давления, ни с помощью “мягкой силы”), а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

В отличие от ЕС исламский мир, несмотря на его обозначение как единой культурно-цивилизационной общности, на самом деле представляет собой сложную мозаичную картину.

Дезинтеграция ислама на множество религиозно-правовых школ и течений свидетельствует о том, что специфика каждого направления иногда превалирует над общими принципами и догматами религии. Различия в догматике ислама затрагивают не только основы вероучения, но и сферы социальной, культурной, политической жизни и экономические отношения.

В географическом и геополитическом отношении “мусульманский мир” распадается на центр и периферию, на территории и страны с арабским и неарабским населением, на регионы, где зарождался и развивался ислам и на пространства “вторичной исламизации”.

Ислам, проникший, например, в Поволжье из Турции, отличается от среднеазиатского ислама.

В ряде новых независимых государств на пространстве СНГ ислам слился с местными традициями: например, в Казахстане суннизм ханафитского мазхаба терпим к инакомыслию, не отвергает местного обычая, слился с местными традициями тенгрианства.

В то же время ханафитский суннизм ваххабитского толка (Саудовская Аравия, Эмираты) призывает к жестокой борьбе за “чистоту ислама”, его адепты отличаются фанатизмом и экстремизмом в отстаивании догматов веры, в противоборстве со своими политическими противниками.

Практика политической жизни дает множество свидетельств религиозных войн внутри ислама, продолжающихся и в наши дни в виде политического противоборства суннитов и шиитов в Ираке.

В этой связи методы информационно-психологического воздействия на массы верующих сохраняют общие черты преимущественно в междивизицизионном противостоянии, идеологическом противоборстве с иной религией, культурой. Но и внутри исламской уммы происходит не менее ожесточенная борьба за утверждение господствующего воздействия на сознание той или иной школы, направления.

Поэтому, необходимо рассматривать методы информационно-психологического воздействия ислама на трех уровнях: цивилизационном, региональном и национальном, что, в определенной степени, соответствует уровням существующих международных конфликтов.

На цивилизационном, а, по существу, глобальном уровне ислам выступает как альтернатива западному либерально-демократическому миру: в исламской доктрине имеется свое пони-

мание и своя трактовка миропорядка. Именно это он стремится спроецировать на зоны международных конфликтов. В этом и состоит сущность ближневосточной модели психологического разрешения конфликтов.

Сегодня модели психологического разрешения современных конфликтов представлены минимум четырьмя различными культурно-цивилизационными формами (англо-саксонским, восточноазиатским, западно-европейским и ближневосточным), и каждый из них имеет свои, присущие только ему, отличительные особенности.

Англо-саксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под свои политические нормы и стандарты.

Восточноазиатская модель видит процесс разрешения конфликтов в интеграции (а, фактически, во встраивании) политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную систему политических отношений (например, по принципу “одна страна – две системы”), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников международных отношений.

Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Романо-германская, или западноевропейская, модель видит процесс разрешения конфликтов в изменении взглядов участников конфликта на сам конфликт.

У России, находящейся на пересечении интересов англо-саксонской, восточно-азиатской, ближневосточной и западноевропейской политики, в формировании собственного политического мировоззрения на формы и способы разрешения современных конфликтов есть две возможности: либо следовать одной из описанных выше моделей, либо искать собственный путь, сочетая в национальной политике сильные стороны всех трех основных подходов и, по-возможности, избегая их недостатков.

Примечания

- ¹ *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 14.
- ² Независимая газета. 2007. 7 декабря.
- ³ *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. Сборник. М., 1995. С. 184, 185.
- ⁴ *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999. С. 17–29.
- ⁵ *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003. С. 30–31.
- ⁶ *Keohane R., Wye D.* Power and Interdependence. World politics in Transition. N-Y, 2000. P. 12–45.
- ⁷ *Титаренко М.А.* Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений. М., 1994. С. 24.
- ⁸ Китай: Традиции и современность. Сборник статей. М., 1976. С. 129.
- ⁹ *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007. С. 340.